

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Юридический институт
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент
_____ И.М. Беляева
_____ 2017 г.

**Уголовно-правовое и психологическое содержание
неосторожной формы вины**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) – 40.03.01.2017.531 ВКР

Руководитель работы,
Старший преподаватель
_____ Т.В. Кухтина
_____ 2017 г.

Автор работы
студент группы Ю-531
_____ Р.Г. Ургубаева
_____ 2017 г.

Нормоконтролер, преподаватель
_____ Д.В. Бирюкова
_____ 2017 г.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	
1.1 Российская наука уголовного права о вине	9
1.2 Содержание и форма вины	25
2 НЕОСТОРОЖНОСТЬ КАК ФОРМА ВИНЫ	
2.1 Критерии преступной небрежности, отличие от невиновного причинения вреда	44
2.2 Ограничение легкомыслия от косвенного умысла	55
2.3 Невиновное причинение вреда и соотношение с преступной небрежностью	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	64
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	67

ВВЕДЕНИЕ

Сфера проявления неосторожных преступлений огромна. Специфика неосторожных преступлений, совершаемых специальным субъектом придает данному социально-правовому феномену особую опасность, обусловленную ненадлежащим исполнением специальным субъектом лежащих на нем обязанностей, вменяемых ему по различным основаниям, требующих повышенной ответственности данных лиц перед узко-социальной средой их проявления и перед обществом, государством в целом. Неосторожная преступность обладает рядом специфических (уголовно-правовых и криминологических) особенностей. Само по себе неосторожное поведение вносит серьезные коррективы в работу по его оценке и профилактике. В поведении лица, действующего по легкомыслию или небрежности, прослеживаются грани уголовной и иной юридической ответственности. Кроме того, особое внимание обращает на себя ряд сложностей, возникающих при квалификации неосторожных преступлений со специальным субъектом. Такого рода деяния могут равнозначно быть близки и к умышленным преступлениям (косвенный умысел и легкомыслие) и к невиновному причинению вреда.

Неосторожная преступность зачастую более общественно опасна, чем умышленная. Это обусловлено в первую очередь размерами вреда, причиняемого такими преступлениями, высокой латентностью этих преступлений и специфичностью личности неосторожного преступника. Данный факт повышает актуальность предупредительного воздействия на неосторожные преступления со специальным субъектом. Исследование таких преступлений предполагает анализ широкого спектра проблем, включающий в себя различные аспекты, в том числе биологический, социальный, психологический, демографический, антропологический и т.д., в свою очередь ограниченные жесткими уголовно-правовыми и криминологическими рамками специфики изучаемых явлений.

До настоящего времени нашей уголовно-правовой наукой не выработано приемлемой концепции субъективного вменения, позволяющей перевести принцип виновной ответственности в практическую плоскость. Отсюда вытекает сложность и многообразие проблем, связанных с неосторожной преступностью, их выделением в отдельную, самостоятельную классификационную группу.

В настоящее время много внимания уделяется дисбалансу мнений по проблеме установления и доказывания вины, в том числе ответственности и наказания за неосторожность. В институте вины многоаспектность делает проблему преступной неосторожности одной из наиболее актуальных, недостаточно изученных, сложных и противоречивых криминологических и социально-правовых проблем.

Вместе с тем, в последние годы обращает на себя внимание устойчивая тенденция к росту и распространенности преступлений, совершаемых по неосторожности. Проблема неосторожной вины, неосторожных преступлений становится все более значимой, вырастает в актуальную и крупную задачу, требующую всестороннего и тщательного анализа, и более общественно опасным преступлением по неосторожности является причинение смерти. И это понятно, так как жизнь человека является наивысшей ценностью в демократическом и правовом обществе и государстве. Все вышесказанное определило актуальность данной работы.

Цель данной дипломной работы – рассмотреть особенности уголовной ответственности за причинение вреда по неосторожности. Исходя из поставленной цели, мы ставим перед собой следующие задачи:

- проанализировать точки зрения российской науки уголовного права о вине;
- изучить содержание и форма вины;
- определить критерии преступной небрежности, отличие от невиновного причинения вреда;
- обозначить ограничения легкомыслия от косвенного умысла;

- исследовать невиновное причинение вреда и соотношение с преступной небрежностью.

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие как в процессе совершения неосторожных преступлений.

Предметом исследования является законодательство об уголовной ответственности за неосторожные преступления.

Методологическую основу работы составляют общенаучный диалектический метод познания, философские, формально-логические методы: анализ, синтез, описание, сравнение, моделирование, а также социологический и другие приемы исследования.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

1 ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

1.1 Российская наука уголовного права о вине

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим правовым государством и определяет человека, его права и свободы в качестве приоритетных ценностей. Это означает, что человек во взаимоотношениях с другими членами общества, соответствующими организациями, учреждениями, предприятиями, государством в целом наделяется правами и строго определенными юридическими обязанностями. В свою очередь, организации, учреждения, предприятия, их должностные лица, государство в целом во взаимоотношениях с людьми также наделяются юридическими обязанностями и строго определенным комплексом прав. Такая правовая системность создает механизм, который позволяет, во-первых, обеспечивать приоритетность интересов человека и гражданина, его права и свободы; во-вторых, осуществлять контроль со стороны государства за качеством реализации обозначенного постулата, его организациями, предприятиями, учреждениями их должностными лицами и иными служащими, а обществу - за государством, принявшим на себя конституционную обязанность по формированию правового и демократического государства, в котором человек с его правами и свободами поставлен во главу угла; в-третьих, выявлять и давать соответствующую правовую оценку всем случаям преступного причинения вреда личности, обществу и государству¹.

Такого рода механизм образуется всей правовой системой Российской Федерации, значительная роль в которой, принадлежит уголовному праву.

Уголовное право опосредованно, а в некоторых аспектах непосредственно обеспечивает решение многих названных выше интересов, задачей которого и выступает охрана личности, общества и государства от преступных

---

¹ Власов В.И. Избранные произведения по уголовному праву и процессу – М., 2011. – С.75.

посягательств. Вместе с тем охрана в демократическом, правовом государстве должна осуществляться таким образом, чтобы права и свободы человека и гражданина, законные интересы общества и государства, с одной стороны, не подвергались преступному воздействию, с другой - лица, совершившие общественно опасное деяние должны быть ограничены в своих правах и свободах, но только в случаях установления их вины в содеянном. Только в этой ситуации ограничение гражданина в его правовом статусе воспринимается и самим преступником, и обществом в целом как закономерный шаг государства. Вина, в определенном смысле, выступает моральным и правовым основанием привлечения лица к уголовной ответственности. Именно это, по нашему мнению, и побудило законодателя, возвести вину в принцип.

Вопрос о понятии «вина» как основном субъективном признаке преступления является одним из основных в науке уголовного права.

Институт вины прошел сложный и противоречивый путь становления. В XVII в. преобладала теория теологического понятия вины «за грех» (немецкий криминалист Пуфендор), индивидуализировавшая ответственность и противостоявшая объективному вменению и коллективной ответственности. Итальянский юрист Ч. Беккариа в XVIII в. доказывал, что «единственным и истинным мерилom преступления является вред...». И. Кант и Г. Гегель рассматривали вину с позиций метафизического понятия «свобода воли». В XVIII в. понятие «вина» изменилось от субъективного антропологического вменения (Ломброзо) до социальных детерминистических «корней» вины¹.

Историко-правовой метод научного исследования, призванный учитывать все положительное, что накоплено историческим опытом, в недавнем прошлом сводился фактически к «принципиальной» критике, часто некорректной, «реакционной» сущности немарксистских правовых

---

¹ Шейфер С. А. Следственные действия: Система и процессуальная форма. – М., 2010. – С. 14.

концепций. Такой подход к оценке достижений отечественной дореволюционной правовой мысли должен быть пересмотрен. Наука уголовного права дореволюционной России (как классического, так и социологического направлений) составляет нашу гордость. Авторитет ее признан во всем мире.

Дореволюционная классическая школа отечественного уголовного права, ярчайшими представителями которой были Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергеевский, С.В. Познышев, в основном стояла на позиции психологического понятия вины. В частности, С.В. Познышев писал: «Под виною в уголовном праве следует разуметь проявленное субъектом такое настроение, при котором он действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере, имея возможность сознать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления»¹.

Н.С. Таганцев и Н.Д. Сергеевский считали настолько само собой разумеющимся и установленным понимание вины как формы психического отношения лица к деянию, что даже не находили нужным останавливаться на общем понятии, уделяя все свое внимание разработке форм вины. Признавая вину элементом преступного деяния, Н.Д. Сергеевский отмечал, что «область вменения образуется совокупностью всех тех деяний, при совершении которых лицо, обладающее вообще способностью ко вменению, действительно понимало свойства совершаемого, действительно предусматривало или предвидело последствия, действительно сознавало запрещение закона и действительно имело возможность принять это запрещение в руководство своей деятельности. Совокупность этих условий носит название субъективной виновности». По мнению Н.С. Таганцева, «вменение лицу преступного деяния означает признание лица не только

---

¹ Рыжаков А.П. Уголовный процесс: Учебник для вузов. – М., 2011. – С.351.

учинившим это деяние, но и виновным в этом деянии, а потому уголовно-ответственным; без вины нет ответственности и вменения».

Еще один известный дореволюционный криминалист С. Будзинский считал, что «преступление может произойти только вследствие одновременности воли и деяния, то есть когда свободная воля неразлучно сопутствует деянию».

По мнению А.Ф. Кистяковского, «то или другое участие воли субъекта в совершении известного преступного действия и в происхождении его последствия столь необходимо, что, при отсутствии его, деяние, как бы оно ни было вредно, может быть только по внешней форме тождественно с преступлением, но по своему внутреннему содержанию не иметь с ним ничего общего. Итак только то правонарушение считается преступным и наказуемым, которое совершено субъектом по своей воле, словом, с желанием именно его совершить».

Магистр права Н.А. Неклюдов считал, что «организм преступного действия слагается из двух элементов: внутреннего - или сознания, и внешнего - или посягательства, действия».

Становление и развитие учения о вине в советском уголовном праве, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, можно условно поделить на три основных этапа:

- 1) 20-е годы, когда отрицание понятия вины во многом объяснялось влиянием буржуазной социологической школы уголовного права;
- 2) 30-годы, когда вина стала рассматриваться в качестве родового понятия умысла и неосторожности;
- 3) конец 40-х - начало 50-х годов, когда в монографической литературе появляются концепции двойного понимания вины как общего основания уголовной ответственности и как родового понятия умысла и неосторожности¹.

Характеризуя первый этап, следует отметить, что значительная часть русских криминалистов начала XX века, среди которых были Н.Н.

---

¹ Уголовный процесс. / Под редакцией А. С. Кобликова. – М., 2011. – С.182.

Полянский, Э.Я. Немировский и др., примыкала к так называемому левому крылу социологического направления, которое, хотя и разделяло некоторые идеи данной школы, но относилось отрицательно к теории «опасного состояния». Согласно их концепции вина признавалась основанием уголовной ответственности, однако понималась не как психическое отношение к совершенному преступлению, а как совокупность заложенных в преступнике психических факторов, породивших его отрицательное правовое или социальное осуждение.

Несколько иной позиции по отношению к вине придерживались отечественные последователи механистического детерминизма и фатализма. Так, М.Ю. Козловский отмечал: «Наш взгляд на преступника исключает наличие у него свободной воли или просто «воли». Для нас, детерминистов, в этом вопросе аксиомой является положение, что преступник - продукт социальной среды и все его действия, все его побуждения от его и нашей воли не зависят. Нелепо поэтому воздавать ему «должное» за то, в чем он неповинен».

Оценивая теоретические изыскания науки уголовного права по вопросу о вине первых лет существования Советской власти, А.А. Герцензон пришел к выводу: «Некоторые советские криминалисты добросовестно заблуждались в поисках специфики советского права, видели ее в отказе от принципа вины как основания ответственности, в отказе от наказания и в замене его мерами социальной защиты».

Имевшее место в советском уголовном законодательстве того периода отрицание вины, наряду с признанием умысла и неосторожности, получило отражение и в теории уголовного права. Так, по мнению А.Н. Трайнина, «вина в ее подлинном уголовно-правовом значении есть лишь родовое имя умысла и неосторожности. Всякий род живет лишь в своих видах. В природе нет человека «вообще», есть лишь Иван да Марья. Нет в жизни и вины вообще, реально существуют лишь ее виды - умысел и неосторожность». М.М. Гродзинский, комментируя действующее тогда законодательство,

отмечал: «Советский УК, сохраняя понятие умысла и неосторожности, нисколько не сохраняет этим понятия вины и не нарушает своего принципиального положения, согласно которому суд и закон учитывают не вину, а только социальную опасность деяния и деятеля».

Данный период характеризуется оживленными теоретическими дискуссиями о том, что должно быть положено в основу норм уголовного законодательства - вина или опасное состояние личности. Даже те ученые, которые признавали наличие вины в уголовном праве, считали, что общей тенденцией развития советского уголовного права «является полная замена «вины» как основания уголовно-правового принуждения «опасным состоянием» и полное отмирание «наказания» и замена его мерами социальной защиты как уже единственной формы уголовно-правового принуждения»¹.

Впервые понятие вины как психического отношения вменяемого лица к учиненному им преступному деянию в форме умысла или неосторожности было дано А.А. Пионтковским в его учебнике по Общей части уголовного права. Однако, уже во втором издании учебника А.А. Пионтковский заменил термин «вина» термином «субъективная сторона преступления», присоединившись к мнению большинства криминалистов.

Несмотря на предпринимаемые учеными и политиками усилия по приданию вине характера общественной, морально-политической, классовой категории, ликвидировать принцип виновного вменения в советском уголовном праве не удалось. В 30-х годах термин вина вновь появляется и в законодательстве, и на страницах печати. В 1935 г. вышла в свет статья А.Я. Эстрина «О вине и уголовной ответственности», в 1937 г. были опубликованы статьи Г.И. Волкова «О проекте нового Уголовного кодекса» и Б.С. Маньковского «Против антимарксистских теорий в уголовном праве», авторы которых предложили рассматривать умысел и неосторожность как

---

¹ Уголовный процесс. / Под редакцией А. С. Кобликова. – М., 2011. – С.187.

обязательные формы связи психики лица с его поступками и выступили против объективного вменения.

В 1938 г. в Москве состоялось Первое Всесоюзное совещание по вопросам науки советского права и государства, на котором академик А.Я. Вышинский в своем докладе «Основные задачи науки советского социалистического права» обратил внимание на то, что «у нас совершенно не разработаны основные проблемы нашего уголовного права, например, вопрос о вине и ответственности. Не разработаны умысел, неосторожность и вменяемость». Совещание одобрило тезисы доклада А.Я. Вышинского и указало на необходимость теоретической разработки вышеуказанных проблем в качестве одной из первоочередных задач. Таким образом был положен конец отрицанию значения вины и необходимости разграничения ее форм для советского правосудия.

В 1938 г. вопросы вины получили подробное освещение в учебной литературе. В частности, учебник Общей части уголовного права, составленный Всесоюзным институтом юридических наук, определил вину как «психическое отношение лица к учиненному им преступлению в форме умысла или неосторожности. Это есть субъективная сторона преступления», а также констатировал, что «отсутствие психической связи между субъектом и преступлением означает и отсутствие в действиях лица состава преступления».

Вину и ее формы исследовали Т.Л. Сергеева, Б.А. Глинская, В.Ф. Кириченко, В.А. Владимиров, которые отстаивали психологический подход к понятию вины, трактующий ее как психическое отношение лица к совершенному деянию в форме умысла и неосторожности. Данными авторами тщательно теоретическому анализу были подвергнуты интеллектуальные и волевые признаки прямого и косвенного умысла, преступной самонадеянности и небрежности.

Однако с подобным подходом к пониманию вины были согласны далеко не все отечественные ученые того времени, некоторые из них были

сторонниками оценочной теории вины. В частности, А.Н. Трайнин отмечал, что советская наука «не ограничилась сведением виновности к формам виновности, к умыслу и неосторожности, которые были тщательно разработаны в дооктябрьской литературе. Она, кроме того, внесла момент материальный, рассматривая вину не только как родовое понятие психических отношений преступника к преступному результату (умысла и неосторожности), но и как основание их отрицательной оценки». Развивая данную мысль, А.А. Герцензон дает следующее определение понятия вины: «Вина есть юридическая характеристика отношения субъекта к своим преступным действиям и их последствиям и вместе с тем общественная оценка его поведения». По мнению В.Г. Макашвили, вина есть «порицаемое, осуждаемое социалистическим обществом психическое отношение лица к совершенному им общественно-опасному поступку»¹.

Наиболее полное отражение оценочная теория вины получила в трудах Б.С. Утевского, который в 1950 г. пришел к выводу, что «проблема вины - это проблема морально-политической оценки поведения. Виновное поведение - это поведение, получающее отрицательную оценку с точки зрения социалистической морали и социалистического права и служащее основанием уголовной ответственности». Развивая данную мысль, он пишет, что «наряду с более узким пониманием вины как элемента состава преступления, как субъективной стороны преступления, т.е. умысла или неосторожности, советское социалистическое уголовное право знает более широкое понимание вины - вины как основания уголовной ответственности. Оценочное понимание вины и является теоретической базой для установления и определения этого более широкого понятия вины».

Согласно данной концепции, в понятие вины как основания уголовной ответственности входят следующие признаки: 1) совокупность субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное

---

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М., 2012. – С.284.

им преступление, последствия, условия и мотивы совершенного им преступления; 2) отрицательная общественная (морально-политическая) оценка от имени государства всех этих обстоятельств; 3) убеждение суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собою уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданскую) его ответственность.

Позиция Б.С. Утевского вызвала бурную дискуссию, большинство участников которой высказали свое отрицательное отношение к подобной трактовке понятия вины. Реальная опасность оценочного подхода состоит, по их мнению, в возможности безграничного расширения судебного произвола, способного привести к осуждению невиновных лиц и освобождению от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления.

В работе Т.Л. Сергеевой «Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам», вышедшей вслед за монографией Б.С. Утевского и также не оставшейся незамеченной для широких кругов научной общественности, получило развитие положение о необходимости разграничения и самостоятельного рассмотрения вины и виновности. Под виной автор понимала «вызывающее осуждение и порицание субъективную сторону состава преступления», а под виновностью - «совокупность объективных и субъективных обстоятельств, обосновывающих с точки зрения советского уголовного права применение к лицу конкретного наказания за совершенное им определенное преступление».

В ходе дискуссии о вине многие ученые высказались за необходимость включения оценочного момента в понятие вины, относя эту оценку, как и Т.Л. Сергеева, к психическому отношению субъекта. Некоторые предлагали относить оценку к преступлению в целом. Были внесены также предложения о необходимости включения в понятие вины сознания субъектом общественной опасности своего деяния, ибо иначе психическое отношение субъекта не может получить отрицательной оценки.

Итоги научной дискуссии о вине, развернувшейся в 50-х годах, были подведены в редакционной статье февральского номера журнала «Советское государство и право» за 1955 г. Здесь, в частности, говорилось: «Вина - есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию в форме умысла или неосторожности, осуждаемому советским уголовным законом и коммунистической нравственностью... Вина есть родовое понятие, охватывающее две ее формы - умысел и неосторожность. Вина выражает определенное психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию. Без этого психического момента нет вины. Вина есть понятие социально-политическое. Советское уголовное право признает умысел и неосторожность формами вины лишь тогда, когда они выражены в таких деяниях, которые направлены против советского строя или нарушают социалистический правопорядок. Умысел и неосторожность, выраженные в действиях, не являющихся общественно опасными для советского строя или социалистического правопорядка, не содержат в себе признаков вины».

Опираясь на эти выводы, практически все учебники, вышедшие в 60-е и 70-е годы, психологическое содержание вины рассматривали в единстве с ее социально-политическим содержанием.

Отечественные ученые-криминалисты в те годы продолжали уделять серьезное внимание углубленному исследованию как института вины в целом, так и отдельным вопросам данной проблемы. В докторских диссертациях П.С. Дагеля и И.Г. Филановского, на базе которых были опубликованы монографические исследования, на основе анализа действующего законодательства и обобщения судебной практики комплексно рассмотрены почти все аспекты проблемы вины¹.

Так, в работе И.Г. Филановского подробно исследовались прямой, косвенный, заранее обдуманый, внезапно возникший, определенный и неопределенный, простой и альтернативный разновидности умысла, а также

---

¹ Саркисова Э.А. Уголовное право: учеб. пособие. – М., 2011. – С.97.

преступная самонадеянность и небрежность. При характеристике неосторожной вины он внес предложение выделить в самостоятельный ее вид преступную беспечность, под которой понимал «сознание общественной опасности своих деяний при непредвидении, но наличии возможности предвидения общественно опасных последствий этих деяний».

Проблемам субъективной стороны преступления посвящаются монографии К.Ф. Тихонова, Г.А. Злобина и Б.С. Никифорова, П.С. Дагеля и Д.П. Котова, П.С. Дагеля и Р.И. Михеева.

Рассматривая соотношение уголовной ответственности и вины, К.Ф. Тихонов приходит к следующему выводу: «Различие между виной и ответственностью следует, на наш взгляд, усматривать в том, что вина выражается в общественно опасном поведении лица, реализуется в момент совершения преступления и служит основанием осуждения виновного со стороны общества и государства, в то время как уголовная ответственность, представляя собой осуждение виновного от имени государства, реализуется лишь с момента признания лица виновным по судебному приговору и может выражаться в наказании виновного за совершенное преступление».

В своей совместной монографии, послужившей серьезным импульсом к социологической разработке проблемы вины и ее форм, Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров предложили анализ положений уголовного законодательства, регламентирующих границы субъективной стороны преступления, с точки зрения его соответствия социальной действительности. По их мнению, непременным условием точности и полноты юридического определения субъективной стороны является степень его соотношения с криминологической реальностью.

Одним из негативных последствий научно-технического прогресса явилась возможность совершения непосредственными участниками целого ряда производственных процессов неосторожных преступлений, удельный вес которых в 60-х годах составлял 5%, в 70-х - вырос до 12%. В связи с этим

повышенный научный интерес вызвала дальнейшая теоретическая разработка проблемы неосторожной вины.

В 1976 году монографическое исследование данной проблемы в неразрывном единстве правового и психологического аспектов было проведено М.Г. Углехелидзе. Психологическая сторона неосторожности, по мнению автора, сводится к импульсивной установке, которая не контролируется сознанием и волей, а поэтому поведение, направленное такой установкой, таит в себе реальную возможность причинения социально вредных последствий.

В 1977 году вышла в свет монография П.С. Дагеля, в которой исследовались такие вопросы как: общественная опасность неосторожных преступлений, психологический механизм и причины их совершения, роль личности в совершении неосторожного преступления и возможности их предупреждения. Автор предложил включить в разновидности неосторожной формы вины преступное невежество, под которым понимал те случаи, когда субъект преступления, самонадеянно осуществляющий деятельность, требующую специальных познаний, навыков или личных качеств, причиняет общественно опасные последствия, которые он по своему невежеству не мог предвидеть или предотвратить.

В 1980 году А.И. Рарог подверг детальному рассмотрению сущность, содержание, форму, объем и степень вины, разработал некоторые рекомендации по применению законодательных определений умысла и неосторожности для квалификации преступлений и попытался выяснить практическое значение вины как уголовно-правовой категории. Согласно его концепции, «вина есть психическое отношение в форме умысла или неосторожности лица к совершаемому им общественно опасному деянию, обусловленное вредными искажениями ценностных ориентации данного лица и выражающее его антисоциальную, асоциальную либо недостаточно выраженную социальную установку по отношению к основным ценностям общества».

Проведя самостоятельное научное исследование, свое определение понятия вины в уголовном праве предложил А.М. Трухин: «Вина есть отрицательное психическое отношение лица к социальным ценностям, выраженное в умышленном или неосторожном совершении преступления». Однако через некоторое время он существенно изменил свою позицию: Это отношение не психическое, не социально-психологическое, а деятельностное, выраженное в поведении лица, которое характеризуется особыми объективными и субъективными признаками, выражающими не только антиобщественную социальную позицию личности виновного, но и общественную опасность как социальное свойство преступника, вызывающую необходимость применения к нему особых уголовно-правовых мер. По мнению В.В. Лунеева, который является сторонником психологической концепции вины, вина в виде психологической категории определяется как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию, его общественно опасным последствиям и другим юридически значимым обстоятельствам совершения преступления¹.

Рассмотрение различных аспектов вины и ее компонентов позволило в середине 90-х годов Ю.А. Красикову прийти к следующим выводам: «1) вина относится к субъективной стороне преступления, при этом содержание вины исчерпывает содержание субъективной стороны преступления (эти понятия тождественны); 2) вина связывает преступника с совершаемым им деянием (действием или бездействием) и его последствием; 3) с психологической стороны вина - это интеллектуальное и волевое отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям; 4) вина - составная часть оснований уголовной ответственности, позволяет отграничить преступное и непреступное поведение».

Монографическое исследование проблемы вины в уголовном праве, проведенное примерно в то же время Г.В. Назаренко, имело целью

---

¹ Уголовный процесс. Учебное пособие. / Под ред. Гуценко К.Ф. – М., 2013. – С.315.

обоснование необходимости нормативного подхода к вине. На основе анализа работ философов, психологов, зарубежных и отечественных специалистов по уголовному праву автор приходит к выводу, что «содержание вины включает в себя все фактические обстоятельства дела, которые нашли свое отражение в психике субъекта преступления и характеризуют его противоправное поведение». Он призывает отказаться «от психологической концепции вины, ее интеллектуалистических формул в сочетании с оценочным понятием общественной опасности, заменив его нормативным понятием противоправности».

Г.В. Верина, рассматривая закрепление вины в действующем уголовном законодательстве, заключает: «В настоящее время законодатель придает понятию вины полисемичность: закрепляет вину как самостоятельный институт уголовного права, принцип права (ч.1 ст. 5 УК РФ), выделяет вину в качестве обязательного признака преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), а также рассматривает ее в качестве одного из условий уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ)... Логико-системный анализ положений, предусмотренных ст.ст. 5, 24, 25, 26 УК, способствует выводу о том, что вина выражается в умысле и неосторожности, но ими не исчерпывается, а каждый вид вины имеет и психологические, и оценочные моменты».

Глава 5 УК РФ наименована как «Вина», но определение вины в законе не дано. Так, ч. 1 ст. 24 ограничивается формулировкой: «Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности». Лицо подлежит уголовной ответственности только за совершение тех общественно опасных действий и их вредных последствий, в отношении которых установлена его личная вина по отношению ко всем юридически значимым обстоятельствам преступления (ч. 1 ст. 5 УК РФ). Более содержательна ст.49 Конституции: виновность обвиняемого должна быть «доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Признания подсудимым своей вины недостаточно для принятия судебного решения о

его виновности, если оно не подтверждено другими доказательствами, прошедшими проверку в судебном заседании.

Субъективная сторона преступления отражает внутренние процессы, происходящие в сознании и воле лица, совершающего либо готовящегося совершить преступление. Ее содержание составляют вина, мотив и цель преступления, совокупность которых дает представление о внутреннем процессе, происходящем в психике лица, совершившего преступление. Мотив и цель преступления уточняют вину лица, совершившего преступление¹.

Таким образом, вина определяется как психическое отношение лица к своему действию или бездействию и наступившим последствиям. Формы вины в УК РФ установлены через точное указание в правовой норме интеллектуальных и волевых признаков, характеризующих совершенное деяние.

Закон рассматривает вину как родовое понятие неосторожности и умысла, не включая другие психологические моменты. Центральное место среди категорий, характеризующих вину, занимает ее содержание, составными элементами которого являются сознание и воля. Разные сочетания сознательного и волевого элементов образуют различные формы вины. Предметное содержание этих элементов в конкретном преступлении определяется конструкцией состава данного преступления.

Таким образом, в понятии преступления «виновное» действие или бездействие означает исключительно умышленное либо неосторожное совершение общественно опасного действия или бездействия. Вина имеет широкое функциональное значение в науке уголовного права. Так, вина рассматривается как синоним субъективной стороны преступления, о чем свидетельствует название некоторых научных работ, или это вытекает из контекста рассуждений ученых. Отмечается, что вина не исчерпывает всей

---

¹ Горбулин С.Б. Новый Уголовно–процессуальный Кодекс РФ – противоречия и пробелы. – М., 2010. – С.23.

субъективной стороны состава преступления, и их нельзя отождествлять. Делается акцент на этическом предназначении вины как моральном, нравственном упреке личности за содеянное. Социально-политическую сущность вины составляет отрицательное (что характерно для умысла) либо пренебрежительное или недостаточно внимательное (что характерно для неосторожности) отношение к основным социальным ценностям, проявившееся в конкретном преступном деянии и наступивших последствиях.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы отметить следующее.

Проблемами виновного вменения в той или иной мере занимались практически все крупные отечественные ученые-правоведы. Благодаря их научному вкладу многие спорные вопросы относительно субъективных оснований уголовной ответственности были достаточно успешно решены.

К сожалению, своего решения и четкой законодательной регламентации удостоились далеко не все аспекты проблемы вины. Более того, большинство решенных и, казалось бы, возведенных в ранг аксиом вопросов виновного вменения в свете построения правового демократического государства и стремительного изменения социально-экономической, политической и нравственной действительности требуют серьезного теоретического переосмысления и, соответственно, совершенствования их законодательной регламентации.

Все это диктует осознание необходимости дальнейшей научной разработки проблемы вины. Предполагаемое исследование должно представлять собой комплексное изучение проблемы вины в уголовном праве применительно к новому уголовному законодательству и современным реалиям России. На основе изучения сущности, содержания и форм проявления вины необходимо разработать ее объективно-субъективное понятие, определить степень ее влияния на уголовную ответственность и предложить законодателю и правоприменителям пути решения спорных вопросов виновного вменения.

В заключение приведем предлагаемое нами понятие вины: «Вина - это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному противоправному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности, и раскрывающее связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и его последствиями, и являющихся основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного, а также для определения пределов уголовной ответственности».

1.2 Содержание и форма вины

Проблема вины занимает одно из ведущих мест в уголовном праве. Вина является основным признаком субъективной стороны состава преступления, виновность - одним из признаков преступления и играет большую роль для квалификации преступлений, ответственность за которые наступает в зависимости от формы вины.

Вина в уголовно-правовом смысле - это психическое, субъективное отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям. В ней воплощена целостная характеристика преступления, и потому она выступает обязательным (необходимым и достаточным) основанием уголовной ответственности. Еще в римском праве существовало правило *sine culpa pop est aliquis puniendus* (никого нельзя наказывать без вины), а также множество подтверждающих его афористических изречений римских юристов. Тем самым можно сделать вывод, что еще древние римляне исходили из принципа вины (виновного вменения). В то же время из истории известно, что первоначально ответственность (в том числе и уголовная) строилась на противоположном ему принципе объективного вменения, то есть возложения наказания за причинение общественно опасных последствий независимо от характера психического к ним отношения. Как указывает Н.С. Таганцев, «требование виновности как условия наказуемости далеко не всегда признавалось уголовными законодательствами. В истории права мы

встречаем на это различные ответы, стоящие в зависимости от культуры народа, от свойств его юридического мышления. Так, в эпоху более отдаленную, в древнейшем праве, мы всюду встречаемся с периодом так называемого объективного вменения: примитивная мысль не шла далее внешнего явления, не доискивалась бытия виновности, ее оттенков; оттого не только не различалось умышленное и неосторожное причинение вреда, но к ним приравнялись и случайные повреждения. Но постепенно к фактическому вменению присоединяется, как его дополнение, вменение моральное. Во внешнем вреде ищут проявления внутренней виновности действующего; в направлении его воли, в его недостаточной заботливости, о поддержании господства юридического порядка видя основу ответственности - *in malcliciis voluntas, pop rerum exitus*»(В преступлениях важнее намерение, чем результат). В науке русского уголовного права принцип субъективного вменения постулировался еще в начале XIX в. Так, О. Горегляд, определяя понятие преступления, указал, что оно «есть деяние противозаконное, умышленное и при этом вредное государству или частным людям». Неумышленное, то есть последовавшее случайно, без всякого участия умысла и воли лица, деяние «не вменяется как преступление»¹.

Изучение исторических источников позволило Г.А. Злобину сделать вывод, что практика виновного вменения сложилась значительно раньше, чем развернутое законодательное закрепление и доктринальная разработка принципа ответственности за вину. В то же время «в практике и в общественном сознании представления об ответственности за вину, видимо, долгое время уживались с признанием правомерности объективного вменения». В России законодательное закрепление принципа ответственности за вину произошло в середине XVII в. в Уложении царя Алексея Михайловича (Соборном уложении 1649 года), хотя зачатки субъективного (виновного) вменения встречаются еще в Русской Правде. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовное

---

¹ Уголовный процесс. Учебное пособие. / Под ред. Гуценко К.Ф. – М., 2013. – С.115.

Уложение 1903 года уже прочно основывается на принципе виновного вменения. Так, Уложение о наказаниях (ст. 7) провозглашало, что «зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною», а Уголовное уложение 1903 года эту же мысль в ст. 42 отражало следующим образом: «Не вменяется в вину преступное деяние, коего учинивший не мог предвидеть или предотвратить». Однако наряду с этим русское дореволюционное уголовное право допускало в известном объеме объективное вменение.

Философские исследования человеческой субъективности, в которых при рассмотрении вины во главу угла ставилась возможность сознательного выбора между добром и злом, позволили современным философам сформулировать следующее понятие этого термина: вина – то, что достойно упрека, внутренняя причина которого заключена в том, что человек предопределен к свободному, ответственному, нравственному самоопределению и поэтому обладает способностью решать справедливо, выступая против несправедливого и избегая того, что запрещено. Побуждение поступить неправильно может овладеть человеком, способным к правильному действию, в том случае, если он не знает запретительных норм или недооценивает их.

Неоднозначно отношение к вине у психологов и правоведов. Юристы при описании данного феномена очень часто делают ссылки на необходимость наличия психологических познаний для точного определения содержания вины. Однако сама психология не знает данного понятия, считая в свою очередь этот феномен чисто юридической дефиницией. Более того, не только понятие вины, но и понятия умысла и неосторожности не имеют готовых психологических аналогов. Их чисто психологическая характеристика, если бы она понадобилась, представляла бы собой достаточно сложную конструкцию. Используя в качестве базовых такие понятия, как осознанное и целенаправленное поведение, можно определить лишь общие границы

преступного поведения, но не отграничить умышленное деяние от неосторожного.

Суммируя обозначенные выше достижения различных отраслей человеческого знания, можно прийти к следующему выводу: вина представляет собой субъективно-объективную категорию, содержание которой составляют два взаимосвязанных, но все же самостоятельных отношения.

Первое – это отношение лица, совершившего какой-либо проступок или правонарушение, к тому, что он совершил. Установление данного отношения обязательно в тех случаях, когда речь идет о совершении преступления умышленно либо по легкомыслию. Однако в случаях совершения преступного деяния по небрежности, в состоянии сильного алкогольного опьянения или в состоянии ограниченной вменяемости, а также в случае совершения большинства административных, дисциплинарных и гражданско-правовых деликтов подобного отношения либо не существует вообще, либо его установление в силу объективных обстоятельств признается невозможным, либо его установления просто не требуется. В этих ситуациях вполне достаточно, чтобы общество в лице его властных структур определило данное деяние виновным, а лицо, его совершившее, подлежащим ответственности.

Поэтому второй составляющей понятия вины выступает отношение общества к данному проступку либо правонарушению и к лицу, его совершившему. В этом отношении содержится оценка неблагоприятного поведения сознательного индивида с точки зрения реально существующих в конкретный исторический период и одобряемых большинством членов общества правил поведения. В основу данного отношения общества к нарушителю закладывается должное поведение, т. е. ожидаемая и

прогнозируемая реакция лица на ту или иную ситуацию, на те или иные воздействия факторов окружающей среды¹.

Только подобный двусторонний подход к определению понятия вины позволит правильно понять ее сущность, содержание и формы проявления.

Одна из главных задач науки состоит в познании сущности изучаемых явлений, в том, чтобы видимое, выступающее на поверхность жизни природы и общества, свести к внутреннему, действительному качеству исследуемого объекта, к тем закономерностям, которые определяют его возникновение, развитие и функционирование. Сущность – самая абстрактная категория диалектики в том смысле, что она представляет собой высшую степень абстрагирования от конкретного многообразия. Вместе с тем, будучи результатом восхождения от явления к закону, она способствует проникновению мышления в исследуемый объект, определению его важнейших сторон, глубокому и полному отражению его природы.

Отечественное уголовное право в основном стоит на позиции, что центральное место в понятии вины принадлежит психическому отношению человека к совершенному им общественно опасному деянию, выраженному в форме умысла или неосторожности. Так как психика есть субъективное отражение окружающей действительности, а отношение – момент взаимосвязи различных проявлений этой действительности, следовательно, психическое отношение есть не что иное, как субъективное, внутреннее, индивидуально-избирательное отражение взаимосвязи, взаимозависимости и взаимоопределяемости различных сторон существования объективной реальности. В связи с тем, что любое преступление состоит из двух социальных конфликтов, в психике преступника должны получить соответствующее отражение не только возникающие в процессе или результате его деяния отношения с жертвой преступления, но и уголовно-

---

¹ Шейфер С. А. Следственные действия: Система и процессуальная форма. – М., 2010. – С.98.

правовые отношения с органами, стоящими на страже прав и законных интересов потерпевшего.

Практически не вызывает сомнения, что психическое отношение лица к совершаемому преступному деянию как отражение в сознании субъекта основных составляющих возникающего уголовно-правового отношения присутствует во всех без исключения умышленных преступлениях. Отдельные компоненты психического отношения присутствуют при совершении преступления по преступному легкомыслию: когда лицо «предвидит» и «самонадеянно рассчитывает» (ч. 2 ст. 26 УК РФ). Гораздо сложнее решить вопрос о наличии психического отношения при совершении преступления по небрежности. В ч. 3 ст. 26 УК прямо указывается на отсутствие реального психического отношения: лицо не предвидит возможности, а соответственно, и не осознает, и не желает наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия). Законодательная формула «при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть», с точки зрения психологии может быть отнесена лишь к характеристике потенциального психического отношения лица к совершаемому им деянию, повлекшему наступление общественно опасных последствий. В связи с этим, на мой взгляд, заслуживает внимания высказанная в науке точка зрения, согласно которой «тот, кто говорит о потенциальном психическом отношении, безусловно, должен знать, что в этом случае фактически пока он не имеет дела ни с каким отношением. Потенциальная способность ни в коем случае не означает само проявление этой способности».

Законодатель совершенно правильно требует от граждан внимательного и бережного отношения к правам и интересам других граждан, общества и государства. Согласен с позицией тех ученых, которые считают, что «виновен не только тот, кто преднамеренно совершил преступление, но и тот, кто не мобилизовал свое сознание и волю, действовал по первому побуждению, бездумно. Ведь это первое побуждение – его собственное, отражающее его личность». Совершение преступлений по небрежности

свидетельствует о том, что личность в своем поведении пренебрегла долгом и возможностью предотвратить опасный результат своих действий (бездействия). Несмотря на то что в момент совершения преступления у субъекта отсутствует психическое отношение к совершаемому деянию, данное лицо, безусловно, виновно в совершении общественно опасного посягательства и должно быть привлечено к уголовной ответственности.

Таким образом, вина как обязательный признак любого преступления не может быть сведена лишь к психическому отношению преступника к его деянию. Кроме психического отношения субъекта вина всегда включает социально-правовую оценку отношения виновного к охраняемым уголовным законом ценностям. Возможно, именно поэтому некоторые ученые, анализирующие сущность вины, с одной стороны, призывали искать ее «в особенностях психического отношения виновно действующего субъекта», с другой – вычленяли социально-политическую сущность вины, которую определяли как отрицательное отношение субъекта к охраняемым уголовным законом интересам общества, выраженное в совершенном им общественно опасном деянии. Все они считали, что социальная и психическая стороны вины неразделимы и присутствуют во всех без исключения случаях совершения преступного деяния.

Однако в некоторых случаях вина представляет собой в чистом виде опосредованное (через правоохранительные органы и действующее уголовное законодательство) или непосредственное (имеются в виду преступления, имеющие большой общественный резонанс) отношение общества к общественно опасному деянию и к лицу, его совершившему. Субъекта признают виновным при наличии лишь возможности, а не реального отражения в его сознании и психике того, что он совершил. Более того, государство через уголовный закон (ч. 3 ст. 26 УК) говорит не просто о возможности, но и о долге субъекта предвидеть общественно опасный характер последствий совершенного им деяния.

Следовательно, лицо в момент совершения преступления может иметь психическое отношение к совершаемому, а может и не иметь его. Что же касается отношения общества к этому деянию, подразумевающего в первую очередь моральную и правовую оценку общественно опасных действий (бездействия) и общественно опасных последствий, то эта составляющая вины присутствует всегда. Значит, именно это отношение, которое согласно участвующим в нем сторонам является общественным отношением, и составляет сущностную основу вины.

В отечественной уголовно-правовой литературе при анализе содержания вины общепризнанным является выделение двух основных компонентов: интеллектуального и волевого. Причем, одни авторы данные составляющие именуют «моменты», другие – «элементы», третьи – «признаки» и даже «факторы». Взяв за основу философское понимание содержания как определенным образом упорядоченную совокупность элементов и процессов, образующих предмет или явление, считаю более правильным вести речь об интеллектуальном и волевом содержании вины, составляющими которого в свою очередь являются элементы и процессы их взаимосвязи¹.

Подобная позиция позволяет говорить о двух психических элементах интеллектуального содержания вины: сознании и предвидении.

Сущность и особенности сознания как побудителя и регулятора деятельности состоят в том, что оно есть соотнесение лица с объективной реальностью в процессе предметной деятельности человека. Применительно к конкретному акту поведения сознание представляет собой мысленное (интеллектуальное) соотнесение побудительных факторов с целью действия, самими актами деятельности, их социальной и правовой значимостью и теми последствиями, которые наступили или могли наступить как результат этой деятельности. Но соотнесение лица с объективной реальностью в процессе деятельности есть не только выделение его из окружающей среды, не только

---

¹ Горбулин С.Б. Новый Уголовно–процессуальный Кодекс РФ – противоречия и пробелы. – М., 2010. – С.31.

отражение мира в определенных образах, но и отношение (желание, переживание, внутреннее стремление к чему-то) лица к действительности.

При конструировании уголовно-правовых норм о видах умышленной вины (ч. 2 и ч. 3 ст. 25 УК) законодатель использует термин «осознание». Несмотря на терминологическое сходство данного термина с термином «сознание», между этими понятиями существуют определенные отличия. Если сознание подразумевает знание о внешнем и внутреннем мире, о самом себе, то осознание предполагает обязательное формирование собственного ценностного отношения к тем или иным явлениям или событиям, возникающего на фоне устоявшихся идеалов и признаваемых субъектом норм поведения. Субъект осознает предметы и явления окружающего мира не только сами по себе, их структуру, свойства и взаимосвязи, но и определяет значимость, ценность данных предметов и явлений для себя или для других людей. Таким образом, оценка выступает моментом взаимодействия познающего субъекта и объекта, акт осознания ценности предметов, явлений, событий, их свойств и отношений. Оценка отражает объект в его бытии для субъекта и предполагает сравнение объектов познания с ранее сложившимися нормами, идеалами, представлениями о желаемом и должном, которые выполняют в процессе оценки функцию основания, критерия, ценностного эквивалента.

Несмотря на бесспорность позиции о необходимости привлечения к ответственности лишь лиц, действующих сознательно, в теории отечественного уголовного права долгое время большие разногласия вызывал и вызывает до сих пор вопрос о предмете сознания преступника. Так, А. Н. Трайнин указывал, что «осуждение поведения лица немислимо, если в психике этого лица не было сознания общественной опасности своего поведения, это сознание является одним из признаков вины как элемента состава и как основания уголовной ответственности». Б. С. Маньковский пришел к выводу, что «исходя из сущности виновности, следует признать, что сознание противоправности является одним из моментов понятия вины».

А. И. Рарог считает, что «предметом сознания как элемента умысла является: 1) общественная опасность деяния, т. е. характеристика (хотя бы в общих чертах) объекта преступления, фактическое содержание и социальные свойства всех составных элементов действия или бездействия; 2) противоправность совершаемого деяния, т. е. его противоречие советскому социалистическому правопорядку». Такой же позиции придерживается А. И. Марцев: «Осознание общественной опасности своего деяния предполагает осознание противоправности (запрещенности) деяния, поскольку противоправность выступает юридическим выражением общественной опасности». Уголовный закон (ст. 25, 26 и 28 УК) попытался решить данные разногласия путем прямого указания на необходимость сознавать общественно опасный характер действий либо общественно опасный характер неизбежных или возможных последствий.

Однако в судебно-следственной практике дело обстоит далеко не так гладко. Проблема состоит не только в том, что дать понятие термина «общественная опасность» затрудняются даже многие сотрудники правоохранительных органов, не говоря уже о лицах, не обладающих специальными познаниями в области юриспруденции. Многие лица, совершающие преступления, не только не осознают общественной опасности своих деяний, но, наоборот, уверены в общественной полезности своего поведения. Примером подобных преступлений могут выступить и самоуправство (ст. 330 УК), и так называемое убийство из сострадания или по просьбе потерпевшего (ч. 1 ст. 105 УК).

Наиболее эффективным видится следующий путь решения данной проблемы. Принимая во внимание, что любое преступление по своей социальной сути представляет собой конфликт интересов (преступника и жертвы, преступника и государства), считаю вполне допустимым со стороны государства и общества требование о сознании того, что деяние лица, нарушающего уголовно-правовой запрет, вступает в конфликт с чьим-то интересом. Причем совсем не обязательно, чтобы данное лицо осознавало,

что посягает на охраняемый законом интерес. Достаточно сознания лицом того, что подвергнувшемуся преступному воздействию интересу может быть причинен какой-либо ущерб. Для того чтобы это положение получило законодательное закрепление, совсем не обязательно в тексте закона использовать термин «конфликт интересов», вполне достаточно будет заменить в ст. 25 УК слово «опасность» на слово «значимость», которое в самом общем смысле и означает непосредственное затрагивание тех или иных интересов членов социума. Такой подход позволит сделать требования уголовного законодательства более доступными для лиц, не обладающих специальными юридическими познаниями, а также облегчить работу правоприменителей по установлению и доказыванию субъективной стороны состава преступления¹.

Закрепление предвидения в качестве содержательного элемента различных форм вины актуализирует потребность в четком уяснении всех качественных и количественных характеристик данного понятия, его значения для определения объема ответственности виновного лица. Сам термин «предвидение» означает одну из форм познания, выступающего в качестве прогнозирования тех или иных явлений и процессов. Основываясь на обобщении теоретических и экспериментальных данных, на учете закономерностей и связей явлений, предвидение выступает в качестве распространения познанного на область непознанного.

Так как предвидение во всех своих разновидностях является психическим отражением будущего, следует согласиться с мнением тех ученых, которые достаточно аргументированно утверждают, что «опережающее отражение всегда вероятно по своему характеру, что обуславливается как стохастической природой окружающего материального мира, так и ограниченными возможностями прогностического аппарата живых систем». Считаю, что не совсем правильно акцентировать в уголовном законе (ч. 2 ст.

---

¹ Шейфер С. А. Следственные действия: Система и процессуальная форма. – М., 2010. – С.99.

25 УК) внимание на предвидении неизбежности наступления тех или иных последствий, которая в свою очередь должна исключать любые вероятностные отклонения. Если уголовный закон будет требовать установления отражения в сознании преступника убеждения в неизбежности наступления результата, это приведет к безнаказанности многих преступников, которые всегда могут сослаться на то, что результаты их действий не представлялись им неизбежными и что они осознавали лишь вероятность наступления преступных последствий. Для констатации умышленной вины считаю достаточным, чтобы лицо предвидело возможность наступления преступного результата.

Вполне естественно, что отражение в сознании лица, совершающего преступление, степени вероятности наступления неблагоприятных последствий может быть различным, и данное обстоятельство должно обязательно учитываться судом при дифференциации и индивидуализации ответственности лиц, виновных в совершении умышленных преступлений. Однако включение термина «степень вероятности» в законодательные формулы различных разновидностей умысла считаю нецелесообразным из-за условности и оценочного характера ее границ.

Что касается самого характера возможных последствий, охватываемых сознанием лица, совершающего преступление, т. е. предмета предвидения, то и в этом вопросе (как и при определении предмета сознания при совершении преступного деяния) стою на позиции необходимости исключения из законодательного определения такого оценочного признака, как «общественная опасность». Предметом предвидения при совершении умышленных преступлений должна выступать не «общественная опасность последствий», а «возможность причинения вреда чьим-либо интересам». Подобный подход позволит избавить правоприменителей от необходимости установления того, что ни они, ни тем более лица, совершающие преступления, далеко не всегда могут понять и оценить, а также максимально конкретизировать юридические элементы интеллектуального содержания

умысла. Кроме того, замена слова «последствия» на термин «причинение вреда» призвана положить конец многолетним теоретическим спорам о возможности предвидения общественно опасных последствий в преступлениях с формальным составом, которые в свою очередь не требуют для признания их оконченными наступления каких-либо последствий. Юридическое содержание термина «причинение вреда» распространяется не только на преступный результат, но и на пути его достижения, т. е. на преступные действия или бездействие, поэтому, благодаря предлагаемому уточнению предмета предвидения, в преступлениях с формальным составом предвидение также станет бесспорным элементом умышленной вины.

В уголовно-правовой литературе считается аксиомой, что момент воли характерен для всех форм и видов вины. Применительно к умыслу это выражается в формулах: лицо желало наступления общественно опасных последствий или не желало их наступления, но допускало; применительно к неосторожности – лицо самонадеянно рассчитывало на предотвращение или не предвидело возможности наступления вредных последствий, но могло и должно было их предвидеть.

Гегель отмечал: «Деяние может быть вменено лишь как вина воли...». Исходя из этого закономерно предположение, что проявленная в нарушающем уголовно-правовой запрет деянии воля (например, стремление убить, украсть и т. д.) должна быть упречной (имеется в виду возможность упрека со стороны властных структур государства), тогда совершенное деяние наказуемо. Но в некоторых ситуациях воля (например, стремление пресечь правонарушение или спасти чью-то жизнь и т. д.) может быть безупречной и, соответственно, совершенное деяние не должно влечь уголовной ответственности. Однако это далеко не так, и зачастую лица, преследующие благие цели и проявляющие в совершенном деянии безупречную волю, не только заслуживают морального осуждения со стороны общества, но и привлекаются к уголовной ответственности.

С учетом рассмотренного выше интеллектуального содержания вины ее волевое содержание должно состоять в следующем: при прямом умысле преступная воля проявляет себя в желании вступить в конфликт с чьим-либо интересом и стремлении причинить вред его владельцу; при косвенном – в нежелании или сознательном допущении возможности причинения этого вреда, а равно в безразличном к нему отношении. Причем нежелание также следует рассматривать в качестве проявления преступной воли, так как нежелание одного, как правило, означает осознанное стремление к чему-либо другому. Что касается безразличного отношения, то и здесь, на мой взгляд, имеет место волевой момент. Например, при совершении выстрела в толпу виновный, не стремясь причинить вред здоровью нескольких потерпевших и относясь к этим последствиям как к побочным, в то же время совершает волевое действие, и воля в данной ситуации, безусловно, заслуживает упрека со стороны общества.

Несмотря на то что законодатель при описании признаков преступного легкомыслия и преступной небрежности (ст. 26 УК) не акцентирует внимание правоприменителей на установлении волевого отношения виновного лица к совершаемому деянию, это абсолютно не означает, что в данных проявлениях преступного поведения отсутствует волевой компонент. Воля, как уже было отмечено выше, присутствует практически по всех человеческих поступках: и осознанных, и неосознанных. Однако далеко не все стремления и желания лица, совершающего противоправное деяние, можно определять как проявления упречной, а следовательно, и преступной воли. Например, при совершении таких преступлений, как уничтожение или повреждение имущества путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности (ч. 2 ст. 168 УК), нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ч. 1 ст. 215 УК) или на взрывоопасных объектах (ч. 1 ст. 217 УК), – виновный зачастую направляет свою волю на достижение общественно полезной цели – стремится к максимальному эффекту при минимальных физических и материальных

затратах. Несмотря на отсутствие в подобных деяниях упречной воли, в целом они признаются преступными. Заслуживающими уголовного наказания признаются и такие деяния, которые становятся преступными лишь в связи с наступившими последствиями (ст. 118, 216, 218, 219, 224 и др. УК). При их совершении у виновных также отсутствуют преступные желания и стремления. Возможно, именно поэтому законодатель не требует от правоприменителей устанавливать волевое содержание вины в случаях совершения преступления по неосторожности.

Таким образом, волевое содержание умышленной вины, во-первых, не может рассматриваться в отрыве от ее интеллектуального содержания; во-вторых, состоит в стремлении вступить в конфликт с чьим-либо интересом путем причинения вреда его обладателю либо в нежелании или безразличном отношении к возможности причинения такого вреда. Волевое содержание преступного легкомыслия не связано с его интеллектуальным содержанием и не заслуживает упрека со стороны правоохранительных органов и общества в целом. Не является упречным и волевое содержание преступной небрежности.

Содержание и форма в каждом явлении представляют собой неразрывное единство. Не существует таких явлений, которые имели бы содержание, но не имели бы формы или, наоборот, имели бы форму, но не имели бы содержания. Однако их единство следует отличать от соответствия между ними, которое имеет место далеко не во всех случаях.

Применительно к вине форма традиционно определяется соотношением психических элементов (сознания и воли), образующих содержание вины, конкретным наполнением этих элементов. Форма вины указывает на способ интеллектуального и волевого взаимодействия субъекта с объективными обстоятельствами, составляющими юридическую характеристику деяния. В связи с этим нельзя недооценивать юридическое значение формы вины, которое является весьма многообразным. Во-первых, форма вины выступает субъективной границей, отделяющей преступное поведение от

непреступного. Во-вторых, форма вины способна влиять на квалификацию преступления. Она позволяет принимать правильные решения в случаях конкуренции составов с одинаковыми признаками объективной стороны. В-третьих, форма вины является основанием дифференциации уголовной ответственности и наказания, а также способна влиять на определение режимов отбывания наказания, сроки условно-досрочного освобождения от его дальнейшего отбывания (ст. 79 УК), признание рецидива опасным или особо опасным (ст. 18 УК). Кроме того, форма вины в соответствии со ст. 15 УК выступает одним из критериев деления преступлений на различные категории.

Наука уголовного права занимается вопросами вины уже несколько столетий. К настоящему времени сформировался определенный стереотип восприятия ее форм, согласно которому вину лица в совершении преступления следует подразделять на умышленную и неосторожную. Сами термины «*dolus*» (умысел) и «*culpa*» (неосторожность) имеют иностранное происхождение и были введены в оборот еще римским правом, но настолько гармонично вошли в нормативную и бытовую лексику россиян, что необходимость их закрепления в уголовном законодательстве в качестве самостоятельных форм вины практически не вызывает сомнений. Сомнения и соответствующие трудности в восприятии вызывают, с одной стороны, то интеллектуально-волевое содержание, которым наполнены данные формы, с другой – критерии их разграничения.

Действующее уголовное законодательство устанавливает две формы вины: умысел и неосторожность. Согласно ст. 25 УК преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления либо сознательно допускало наступление этих последствий, либо относилось к ним безразлично. Преступлением, совершенным по неосторожности, в соответствии со ст. 26

УК, признается деяние, при котором лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть. Данные законодательные формулировки, к сожалению, не позволяют провести четкую границу между формами вины, что, соответственно, вызывает у правоприменителей определенные трудности. Особенно сложно на практике разграничить косвенный умысел и преступное легкомыслие, так как в них присутствуют сходные элементы интеллектуально-волевого содержания вины.

Вина всегда представляет собой единство формы и содержания. В отечественной теории «совершенно основательно подчеркивается это единство, поскольку содержание вины немислимо вне определенной формы, а в свою очередь форма не имеет никакой цены, если она не есть форма содержания».

Мною выше обозначено собственное видение содержания вины, а потому считаю возможным предложить и свое видение форм вины и критериев их разграничения.

Первой и основной формой вины, на мой взгляд, выступает сознательно-волевая или умышленная вина, содержание которой составляют сознательные и волевые элементы. В зависимости от соотношения этих элементов можно данную форму вины разделить на три вида: прямой умысел, косвенный умысел и легкомыслие.

1. Содержание прямого умысла должно включать: 1) осознание общественной значимости (конфликтности с чьим-либо интересом) совершаемого действия (бездействия); 2) предвидение возможности причинения какого-либо вреда; 3) желание причинить этот вред. Данную разновидность умышленной вины можно с уверенностью назвать наиболее

опасной для правопорядка, что должно, по моему мнению, получить соответствующее отражение при определении меры ответственности виновного лица и характера применяемых к нему тягот и лишений.

2. Содержание косвенного умысла должно включать: 1) осознание общественной значимости совершаемого действия (бездействия); 2) предвидение возможности причинения какого-либо вреда; 3) нежелание, но сознательное допущение данного вреда либо безразличное к нему отношение. Этот вид умышленной вины также характеризуется упречным сознанием и упречной волей, однако по сравнению с прямым умыслом является менее опасным для общества.

3. Содержание легкомыслия должно включать: 1) осознание общественной значимости совершаемого действия (бездействия); 2) предвидение возможности причинения какого-либо вреда; 3) стремление предотвратить причинение вреда. В отличие от предыдущих легкомыслие характеризуется упречным сознанием, но безупречной (непреступной) волей, что обязательно должно быть учтено при определении меры ответственности виновного лица.

Второй формой вины видится вина презюмируемая или неосторожная, которая отличается от умышленной вины отсутствием у лица, совершающего преступление, упречного с точки зрения общества и государства реального сознательно-волевого отношения к совершаемому, и наличием презюмируемой обязанности вести себя в определенных (специально обозначенных в статьях Особенной части УК) ситуациях соответствующим образом. Именно эта обязанность вести себя должным образом и составляет содержание неосторожной вины, и соответственно нарушение данной обязанности влечет возможность упрека и привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

В заключение отмечу следующее. Проведенный анализ сущности, содержания и форм вины как социально-правового явления позволяет сформулировать ее уголовно-правовое понятие: вина – это сознательно-

волевое или презюмируемое государством упречное отношение лица к совершаемому им деянию. Данное определение не только отражает сущностную основу вины в виде упрека, но и охватывает различные формы вины, наполненные соответствующим содержанием. Более того, это определение призвано стать действенным механизмом реализации закрепленного в законе принципа виновного вменения.

2 НЕОСТОРОЖНОСТЬ КАК ФОРМА ВИНЫ

2.1 Критерии преступной небрежности, отличие от невиновного причинения вреда

При причинении смерти по небрежности необходимо определить, что лицо не предвидело наступления общественно опасных последствий, хотя должно было и могло предвидеть их наступление.

Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть. Проблема преступной небрежности (неосознанной неосторожности) является более сложной и недостаточно разработанной в теории уголовного права.

Одна из точек зрения по этой проблеме заключается в следующем:

1) отрицание возможности неосторожной формы вины при поставлении в опасность причинения вреда;

2) неосторожность может иметь место лишь при реальном наступлении преступного результата, когда наличие психического отношения лица к последствиям при преступной небрежности отрицается;

3) ограниченная область наказуемой небрежности, ответственность за которую наступает лишь в случаях, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление последствий;

4) для ответственности за преступную небрежность достаточно одного из критериев – объективного или субъективного.

О преступной небрежности (неосознанной неосторожности) может идти речь, когда на лице в силу тех или иных оснований лежит обязанность определенного поведения, исключающего наступление вредных последствий. При этом уголовное законодательство требует существования не одного из

двух критериев ответственности – объективного или субъективного, а их одновременного наличия.

Для преступления, совершенного по небрежности, характерно меньшее либо ошибочное осознание виновным фактических и социальных признаков деяния. Субъект не сознает, но был обязан и имел возможность сознавать характер своих деяний.

Интеллектуальный момент небрежности характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным. Отрицательный признак небрежности заключается в непредвидении лицом возможности наступления преступных последствий и в отсутствии сознания противоправности действия или бездействия.

Психическое отношение виновного к своему деянию при небрежности характеризуется сознанием нарушения определенных запретов и непредвидением наступления преступных последствий либо тем, что лицо, совершая волевой поступок, не сознает, что оно нарушает правила предосторожности, либо отсутствием волевого контроля, который утрачен по вине самого лица.

Положительный признак интеллектуального момента небрежности состоит в том, что виновный должен был и мог предвидеть наступление фактически причиненных преступных последствий.

Волевой момент небрежности характеризуется тем, что виновный, имея реальную возможность предотвратить преступные последствия совершаемого им деяния, не активизирует свои психические силы и способности для совершения волевых действий, необходимых для предотвращения преступных последствий, и, следовательно, не превращает реальную возможность в действительность.

Ответственность за небрежность наступает лишь в случае, если лицо хотя и не предвидело возможности наступления преступных последствий, но должно было и могло предвидеть их наступление. Тот факт, должен ли был и мог ли виновный предвидеть последствия своего деяния, можно установить

на основе объективного и субъективного критериев. Долженствование является объективным, а возможность предвидения - субъективным критерием небрежности.

Объективный критерий позволяет установить наличие обязанности лица предвидеть возможность наступления преступного последствия при соблюдении обязательных для этого лица мер предосторожности. Вопрос о том, должно ли было лицо предвидеть наступившие последствия, можно решить на основе правил техники безопасности, эксплуатации различных механизмов, служебного положения лица, его обязанностей и т.д.

Объективный критерий небрежности необходимо рассматривать вкуче с ее субъективным критерием.

В законе субъективный критерий небрежности выражен словосочетанием «могло предвидеть», что означает способность конкретного лица в той или иной обстановке при наличии у него необходимых личных качеств (опыта, компетентности, образования, состояния здоровья и т.д.) предвидеть возможность наступления преступных последствий. Этот критерий имеет превалирующее значение, так как небрежность может проявляться только в пределах возможного предвидения преступных последствий.

Легкомыслие и небрежность имеют сходство в волевом моменте. И в том, и в другом случае отсутствует положительное отношение к возможному последствию. Различие этих видов неосторожности состоит в том, что при легкомыслии виновный, совершая действия, надеется на предотвращение возможных последствий, а при небрежности виновному волевые усилия представляются либо полезными, либо нейтральными.

В законодательстве стран Западной Европы выдвигается объективный критерий для установления преступной небрежности. Определено, что возможность предвидеть наступление преступных последствий может иметь место лишь тогда, когда при данных обстоятельствах эти последствия мог предвидеть «средний благоразумный человек». Использование лишь объективного критерия для установления небрежности, неизбежно приводит

к признанию виновными лиц, которые в действительности не обладают предусмотрительностью «среднего благоразумного человека. Использование объективного критерия среднего благоразумного человека» фактически освобождает от необходимости искать в преступлениях, где ответственность наступает за неосторожную вину, реальное психическое отношение к общественно-опасному результату. Это означает отказ от принципа ответственности лишь при наличии вины и переход на позиции объективного вменения.¹

Представляется, что критерий «среднего благоразумного человека» несовместим с принципом индивидуальной ответственности. Использование этого критерия приводит к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц, которые не могут в связи со своими индивидуальными особенностями предвидеть общественно опасные последствия своих действий. С другой стороны, лица, обладающие свойствами, превосходящими «среднего благоразумного человека», будут освобождены от уголовной ответственности, так как «средний благоразумный человек» не мог бы предвидеть общественно-опасный характер своих действий.²

Для преступной небрежности как одной из форм вины более значим правовой, нормативный характер. В законе определено, какие общественно опасные последствия побочного характера считать преступными при неосторожности. Только в связи с этим приобретает правовое значение и психическое отношение субъекта к этим последствиям. По своей же психологической сути само действие (бездействие) при небрежности, в результате которого нарушаются правила предосторожности, является мотивированным и целенаправленным, волевым и сознательным.³

Однако встает вопрос: согласуется ли это с принципом субъективного вменения? Эта проблема дискутируется в науке и судебной практике. Для ее

---

¹Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2013. – С.113.

²Басков В. Прокурорский надзор. – М., 2012. – С.268.

³Уголовный процесс / Под редакцией К. Ф. Гуценко. – М., 2013. – С.301.

решения следует выяснить, какие аргументы выдвигаются для защиты уголовной ответственности за небрежность. Главный аргумент – нормативный: уголовная ответственность за небрежность наступает тогда, когда лицо должно было предвидеть общественно опасные последствия своих действий (бездействия) и могло это сделать, то есть при наличии объективной обязанности и субъективного предела фактически ставится знак равенства между нормативным содержанием преступной небрежности и реальным психическим процессом. Для сглаживания проблематичности этого соотношения некоторые авторы выходят на оценку небрежности как на психологическую характеристику личности вообще. Невнимательность, непродуманность, безалаберность – свидетельствуют о наличии определенного реально существующего действительного психического отношения к наступившим последствиям.¹

В соответствии с действующим законодательством (часть 3 статья 26 Уголовного кодекса РФ) для преступной небрежности характерно непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий при наличии обязанности (долженствования) и возможности предвидеть эти последствия.

Из прошлого законодательного определения преступной небрежности не было видно, каким должно быть психическое отношение виновного к своему деянию. В части 3 статьи 26 Уголовного кодекса РФ 1996 года говорится о том, что преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть. Для преступления, совершенного по небрежности, характерно меньшее, либо ошибочное осознание виновным фактических и социальных признаков деяния. Субъект не осознает, но обязан и имел возможность осознавать характер своих деяний.

---

¹Уголовный процесс / Под редакцией К.Ф. Гуценко. – М., 2013. – С.309.

Интеллектуальное содержание небрежности характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным. Отрицательный признак небрежности заключается в непредвидении лицом возможности наступления преступных последствий и в отсутствии осознания противоправности совершаемого деяния (действия или бездействия). Психическое отношение виновного к своему деянию при небрежности характеризуется сознанием нарушения определенных запретов, непредвидением наступления преступных последствий, либо тем, что лицо, совершая волевой поступок, не сознает, что оно нарушает правила предосторожности, либо отсутствием волевого контроля, который утрачен по вине этого лица. Положительный признак интеллектуального момента преступной небрежности состоит в том, что виновный должен был и мог проявить необходимую внимательность и предусмотрительность и предвидеть наступление фактически причиненных преступных (общественно опасных) последствий. Именно этот признак превращает небрежность в разновидность вины в ее уголовно-правовом понимании. Он устанавливается с помощью двух критериев: долженствование означает объективный критерий, а возможность предвидения – субъективный критерий преступной небрежности.

Волевой момент преступной небрежности заключается в том, что виновный, имея реальную возможность предотвратить преступные последствия совершаемого им деяния, не активизирует свои психические силы и способности для совершения волевых действий, необходимых для предотвращения преступных последствий, и, следовательно, не превращает реальную возможность в действительность.

Ответственность за преступную небрежность наступает лишь в случае, если лицо хотя и не предвидело возможности наступления преступного последствия, но должно было и могло предвидеть его наступление. Должен ли был и мог ли виновный предвидеть последствия своего деяния, можно установить на основе объективного и субъективного критерия.

Долженствование – объективный критерий небрежности, а возможность предвидения – субъективный.

Объективный критерий небрежности носит нормативный характер и означает обязанность лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий с соблюдением требований обязательных для этого лица мер предосторожности и необходимой внимательности. Эта обязанность может основываться на законе, на должностном статусе виновного, на профессиональных функциях, на основе правил техники безопасности, эксплуатации различных механизмов, общежития и т.д. Отсутствие обязанности предвидеть последствия исключает вину данного лица в их фактическом причинении.

Так, судом был осужден Баталин Д.В., который, не имея профессиональных навыков по подготовке и содержанию собак, представляющих повышенную опасность для окружающих, в ноябре 2010 года приобрел в собственность у ЧП Хохловой Е.П. кобеля в возрасте около трех месяцев породы питбультерьер. В октябре 2011 года Баталин Д.В. приобрел в том же клубе суку в возрасте около трех месяцев породы питбультерьер. При покупке собак Баталин Д.В. был проинструктирован Хохловой Е.П. о требованиях по содержанию собак данной породы. Также Баталину Д.В. были разъяснены бойцовские качества данной породы собак, их физиологические и психологические особенности. Он неоднократно предупреждался, что питбультерьеров категорически запрещено натравливать на людей, поскольку эти собаки представляют для людей повышенную опасность, а если питбультерьер проявит агрессию по отношению к человеку, то он подлежит немедленному уничтожению.

В начале июня 2012 года Баталин Д.В., не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, начал постоянно содержать собак, представляющих повышенную опасность для окружающих лиц (садоводов),

на своем дачном участке. Собак Баталин Д.В. содержал не надлежащим образом. Они находились на привязи (на цепи), при этом территория участка не имела ограждения, также отсутствовала предупреждающая надпись о наличии опасных собак на участке. Собак Баталин Д.В. оставлял на садовом участке без присмотра круглые сутки, приезжал по вечерам кормить собак. Собаки систематически срывались с привязи и бегали по всей территории садового общества, при этом кидались на садоводов, пытались их покусать, представляя для их жизни и здоровья реальную угрозу. Баталин Д.В. был уведомлен о всех случаях проявления агрессии его собак по отношению к человеку, но не принял необходимых мер по обеспечению безопасности окружающих.

В результате небрежности Баталина Д.В. по содержанию собак 29 июля 2012 года собаки Баталина Д.В., находясь без присмотра, выбрались из самодельного вольера, специально не оборудованного для содержания собак, не имеющего замка, и набросились на садовода Селюнина В.Г., покусав его, причинив телесные повреждения. Однако Селюнин В.Г. смог отбиться от собак. Позже собаки напали на гр. Михееву Э.П. и покусали ее. Садоводы с большим трудом отогнали разъяренных собак Баталина Д.В. от потерпевшей Михеевой Э.П. и отвезли ее в больницу, где последняя скончалась. Позже собаки напали на гр. Пчелинцеву П.И., свалили ее в канаву, нанесли телесные повреждения, приведшие к ампутации левого предплечья на уровне средней трети и формированию культи, что составляет 60 % стойкой утраты трудоспособности.

Суд квалифицировал действия подсудимого Баталина Д.В. по ч. 1 ст. 118 УК РФ как причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности и по ч. 1 ст. 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности.¹

Однако наличие само по себе обязанности предвидеть последствия еще не является достаточным основанием для признания лица виновным. При

---

¹ Решение по делу 22–1904/2014 (02.04.2014, Красноярский краевой суд (Красноярский край)) // Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)

наличии обязанности предвидеть последствия (объективный критерий неизбежности) необходимо еще установить, что лицо имело реальную возможность в данном конкретном случае предвидеть наступление общественно опасных последствий (субъективный критерий), но эту возможность не реализовало и последствий не избежало.

В законе субъективный критерий небрежности выражен словосочетанием: «могло предвидеть», что означает персональную способность конкретного лица в той или иной обстановке, при наличии у него необходимых личных качеств (профессионального и жизненного опыта, компетентности, уровня развития и образования, состояния здоровья, его физических данных, степени восприимчивости и т.д.), позволяющих правильно воспринимать вытекающую из ситуации совершения деяния информацию и сделать обоснованные выводы (правильные оценки), предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий. Это означает, что возможность предвидения последствия определяется, во-первых, особенностями ситуации, в которой совершается деяние, а во-вторых, индивидуальными качествами виновного. Ситуация не должна быть чрезмерно сложной, чтобы задача предвидеть последствия была в принципе разрешимой. Этот критерий при определении наличия преступной небрежности имеет преобладающее значение, так как преступная небрежность может иметь место только в пределах возможного предвидения общественно опасных последствий. Наличие этих двух предпосылок делает для виновного реально возможным предвидение общественно опасных последствий.

Являясь видом неосторожной вины, небрежность имеет некоторое сходство с преступным легкомыслием. Общим для интеллектуального элемента обоих видов неосторожности является то, что виновный не предвидит реальной возможности наступления общественно опасных последствий (то есть их возможности в данном конкретном случае), хотя такую возможность он мог предвидеть. Различие же состоит в том, что при

легкомыслии лицо предвидит абстрактную, то есть в других сходных ситуациях, возможность наступления вредных последствий и поэтому осознает потенциальную опасность своих действий, тогда как при небрежности оно ни в какой форме не предвидит возможности наступления таких последствий и, следовательно, не осознает даже потенциальной опасности избранного способа поведения.

Легкомыслие и небрежность имеют сходство в волевом моменте. И в том и в другом случае отсутствует положительное отношение к возможному последствию. А различие этих видов неосторожности состоит в том, что при легкомыслии виновный совершает действие в надежде на предотвращение возможных последствий, а при небрежности виновному волевые усилия представляются либо полезными, либо нейтральными.

Новеллой Уголовного кодекса РФ 1996 года является впервые включенная в него норма о невиновном причинении вреда, предусматривающая две его разновидности. В части 1 статьи 28 Уголовного Кодекса РФ закреплена такая разновидность невиновного причинения вреда, которая в теории уголовного права именуется субъективным случаем или «казусом» и определяется так: «Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть».

Применительно к преступлениям с формальным составом это означает, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия). Подобного рода «казусом» является, например, причинение вреда здоровью лица, ошибочно принятого за убийцу, для его задержания, если стечение объективных обстоятельств давало веские основания считать именно его лицом, совершившим преступление.

Применительно к преступлениям с материальным составом субъективный случай заключается в том, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Эта разновидность субъективного случая отличается от небрежности отсутствием либо обоих, либо хотя бы одного из его критериев.

Например, К. был осужден за неосторожное убийство, совершенное при следующих обстоятельствах. Закурив, он бросил через плечо горящую спичку, которая попала в лежавшую у дороги бочку из-под бензина и вызвала взрыв бензиновых паров. При этом дно бочки вылетело и, попав в С., причинило ему смертельное ранение. Учитывая данные обстоятельства, суд пришел к выводу, что смерть С. наступила в результате несчастного случая, поскольку в обязанности К. не входило предвидение и предупреждение фактически наступивших последствий, следовательно, он причинил их без вины.¹ В данном случае казус был констатирован из-за отсутствия объективного критерия небрежности. Но практика знает немало примеров отсутствия вины, обусловленного отсутствием только субъективного критерия.

В части 2 статьи 28 Уголовного Кодекса РФ закреплена новая, доселе практике не известная разновидность невиновного причинения вреда. Она характеризуется тем, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. В такой ситуации причинение вреда признается невиновным не из-за дефектов интеллектуального или волевого отношения, а вследствие

---

¹ Решение по делу 22–700/2014 от 23.04.2014 Вологодского областного суда // Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)

объективной невозможности предотвратить наступление общественно опасных последствий по одной из двух указанных в законе причин.

Во-первых, невозможность предотвратить вредные последствия, которые охватываются предвидением действующего лица, исключает уголовную ответственность, если она обусловлена несоответствием психофизиологических качеств причинителя вреда требованиям экстремальных условий, то есть таким неожиданно возникшим или изменившимся ситуациям, к которым лицо не готово и по своим психофизиологическим качествам неспособно принять правильное решение и найти способ предотвращения вредных последствий (например, в условиях аварии по причине конструктивных дефектов или заводского брака машины или механизма).

Во-вторых, деяние признается невиновным, если невозможность предотвратить общественно опасные последствия обусловлена несоответствием психофизиологических качеств причинителя вреда его нервно-психическим перегрузкам (например, при работе пилота самолета или машиниста электровоза во вторую смену подряд).

2.2 Ограничение легкомыслия от косвенного умысла

Неправильное разграничение преступной самонадеянности от косвенного умысла может повлечь ошибку в установлении формы вины. Различие между ними следует проводить как по интеллектуальному элементу, так и по волевому. Косвенный умысел имеет некоторое сходство с преступной самонадеянностью.

По предвидению можем ли мы различить косвенный умысел и преступную самонадеянность. Предвидение, согласно теории уголовного права - это отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем. Поэтому под предвидением общественно опасных последствий следует понимать мысленное представление виновного

о том вреде, который причинит его деяние общественным отношениям, поставленным под защиту уголовного закона. По своему интеллектуальному элементу легкомыслие имеет некоторое сходство с косвенным умыслом. Но если при косвенном умысле виновный предвидит реальную (т.е. для данного конкретного случая) возможность наступления общественно опасных последствий, то при легкомыслии эта возможность предвидится как абстрактная: субъект предвидит, что подобного рода действия вообще могут повлечь за собой общественно опасные последствия, но полагает, что в данном конкретном случае они не наступят¹.

Предвидение абстрактно, т.е. отвлеченно от данной конкретной ситуации, возможности наступления общественно опасных последствий характеризуется тем, что виновный не сознает действительного развития причинной связи, хотя при надлежащем напряжении своих психических сил мог бы осознать это. Он легкомысленно, несерьезно подходит к оценке тех обстоятельств, которые, по его мнению, должны предотвратить наступление преступного результата, но на самом деле оказались неспособными противодействовать его наступлению.

Если выделить интеллектуальный элемент указанных видов вины - предвидение, и сопоставить, то можно сделать вывод о том, что по законодательной формулировке мы не можем отличить косвенный умысел от самонадеянности, и ошибемся. Потому что в словесной формулировке разницы нет, а то что стоит за этим - есть, и отличается это как черное от белого.

По характеру предвидения эти две формы сильно отличаются друг от друга. Однако этого нет в кодексе, но это понимание есть в жизни, в здравом смысле, реальности. И таким образом при косвенном умысле предвидение носит конкретный (реальный) характер, а при преступной самонадеянности абстрактный характер.

---

¹ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2013. – С.118.

Таким образом отличие от косвенного умысла, при котором лицо предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, при самонадеянности возможность наступления последствий субъект предвидит отвлеченно от конкретной ситуации, от есть абстрактно, применительно не к данной, а к другим сходным ситуациям. Он предвидит, что подобного рода действия вообще могут повлечь за собой общественно опасные последствия, но полагает, что в данном конкретном случае они не наступят.

Основное, главное отличие легкомыслия от косвенного умысла заключается в содержании волевого элемента. Если при косвенном умисле виновный сознательно допускает наступление общественно опасных последствий, т.е. одобрительно относится к ним, то при легкомыслии отсутствует не только желание, но и сознательное допущение этих последствий, и, наоборот, субъект стремится не допустить их наступления, относится к ним отрицательно.

По волевому моменту преступное легкомыслие косвенный умисел также различаются между собой, так как у них разное волевое отношение к последствиям. При косвенном умисле лицо безразлично относится к наступлению общественно опасных последствий, а при преступной самонадеянности сознание и воля лица не безразличны к возможным последствиям совершаемого им деяния, а направлены на их предотвращение. При этом субъект рассчитывает на конкретные, реально существующие обстоятельства, способные противодействовать наступлению преступного результата, например, на свою силу, ловкость, умение, опыт, мастерство, на действия других лиц, сил природы, машин и механизмов, а также на другие определенные обстоятельства. Но расчет оказывается неосновательным, легкомысленным, в результате чего преступного результата избежать не удается.

Так например, С. управлял легковым автомобилем в сильной степени опьянения, не имел прав на управление транспортными средствами: по пути

следования неоднократно грубо нарушал правила дорожного движения, в результате чего сбил одного пешехода, через некоторое время - другого, а затем автомашина столкнулась со встречной и ударила о столб электросети.

Нескольким гражданам были причинены тяжкие и иные телесные повреждения и нанесен существенный материальный ущерб. Суд счел указанное деяние совершенное по неосторожности в форме преступной самонадеянности.

В данном примере суд не исследовал всесторонне все обстоятельства, относящиеся к субъективной стороне преступления, в частности о возможности его совершения с косвенным умыслом, когда лицо не желает причинить общественно опасные последствия, но предвидит и допускает возможность их наступления. Отсутствие желания свидетельствует о безразличном отношении лица к последствиям своего деяния, но оно сознательно допускает их наступления. По данному делу суд первой инстанции не исследовал вопроса о том, что С. был уверен в невозможности наступления общественно опасных последствий, и не обосновал своего вывода об этом. Вышестоящая инстанция обоснованно отметила приговор суда ввиду неисследованности обстоятельств, относящихся к установлению формы вины¹.

Судом был осужден Буйков Ю.П., который 26 мая 2013 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел в дом № 61 по ул. Ленина в с. Ленинское, где проживал Космаков В.К. В связи с тем, что ранее мать Буйкова Ю.П. – Буйкова Л.В. сообщила ему, что ее оскорбляет и избивает Космаков В.К., с которым она сожительствовала, у Буйкова Ю.П. на почве ранее сложившихся неприязненных отношений возник умысел на причинение тяжкого вреда здоровью Космакову В.К. Осуществляя свой преступный умысел, Буйков Ю.П., осознавая общественную опасность своих

---

¹ Решение по делу 22–896/2013 от 28.04.2013 Архангельского областного суда //Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)

действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью и желая их наступления, нанес Космакову В.К. несколько ударов топором, который он принес с собой из своего дома, в область головы. 6 июня 2013 года Космаков В.К. от полученных повреждений скончался. Суд квалифицировал действия подсудимого по ст. 111 ч. 4 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего¹.

Таким образом правильное установление формы и вида вины необходимо для квалификации содеянного, определение степени вины при индивидуализации наказания, установления круга обстоятельств, подлежащих доказательству, надлежащего воспитательного воздействия приговора на осужденного и иных лиц.

При преступном легкомыслии в отличие от косвенного умысла сознание и воля лица не безразличны к возможным отрицательным последствиям своего деяния, а направлены на их предотвращение. Закон характеризует волевое содержание легкомыслия не только как надежду, а именно как расчет на предотвращение общественно опасных последствий. При этом виновный рассчитывает на конкретные, реальные обстоятельства, способные, по его мнению, противодействовать наступлению преступного результата: на собственные личные качества, на действия других лиц, механизмов, а также на иные обстоятельства, значение которых он оценивает неправильно, вследствие чего расчет на предотвращение преступного результата оказывается неосновательным, самонадеянным, не имеющим достаточных к тому оснований.

Расчет, хотя и необоснованный, самонадеянный, на конкретные факторы, способные, по мнению виновного, предотвратить наступление общественно опасных последствий, существенно отличает преступное легкомыслие от

---

¹ Решение по делу 22–557/2013 от 21.04.2013, Верховного Суда Республики Дагестан // Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)

косвенного умысла, при котором такой расчет отсутствует, хотя и возможна ни на чем не основанная надежда, что вредные последствия не наступят.

2.3 Невинное причинение вреда и соотношение с преступной небрежностью

На сегодняшний день Уголовный кодекс РФ (далее - УК РФ) предусматривает элемент вины в составе преступления определяющим обстоятельством, отсутствие которого исключает привлечение к уголовной ответственности. Так, статья 5 УК РФ гласит, что человек может быть признан совершившим преступление и впоследствии привлечен к ответственности только в том случае, если в совершенном деянии присутствует его вина, причем формы вины включают в себя как прямой умысел, так и косвенный (преступление вследствие преступной небрежности или легкомыслия).

Также в уголовном праве (в том числе, и в УК РФ) содержится и такое понятие, как невинное причинение вреда.

Статья 28 УК РФ дает значение понятию невинного причинения вреда, а также раскрывает виды и формы причинения такого вреда. Согласно статье 28 УК РФ, деяние считается совершенным невинно тогда, когда лицо, совершившее преступление, не могло и не должно было осознавать значение совершаемых действий. Еще одно важное условие, позволяющее считать вред причиненным невинно - отсутствие у совершившего такой вред лица понимания наступления вредных последствий.

В буквальном смысле данное понятие имеет следующее значение: совершенное преступление признается совершенным невинно, если потенциальный преступник не знал и не мог знать о том, что его действия способны нанести какой-либо вред и поставить под угрозу общественную безопасность и охраняемые законом интересы.

Невиновное причинение вреда в уголовном праве также известно как казус. Значение понятия «казус» по отношению к невиновному причинению вреда подразумевает под собой некий случай, наступление которого находится вне зависимости от воли человека. Казус является самостоятельной формой невиновного причинения вреда и имеет отличие от такой формы, как, например, невозможность предотвратить вредные последствия деяния.

Таким образом, статья 28 УК РФ называет следующие формы (виды) невиновного причинения вреда:

При совершении действия или бездействия, несущего в себе опасность для общественных интересов, лицо, совершившее такие действия (бездействия) не предполагает, что данные действия способны вызвать общественную опасность и нанести вред общественным отношениям.

Лицо, совершая определенные действия, не подозревает и не может подозревать, что данные действия способны вызвать наступление каких-либо вредных последствий.

Так, например, гражданин, расплачиваясь в магазине фальшивой купюрой, не знает и не может знать, что для совершаемых им действий в уголовном законе имеется соответствующая квалификация. Также такой гражданин, по сути, сам является жертвой преступления и ни в коем случае не должен предполагать, что за совершение привычных действий (покупка в магазине) может наступить какая-либо ответственность.

Вышеуказанные формы (виды) невиновного причинения вреда, предусмотренные УК РФ, хотя и содержат в себе некие элементы небрежности или неосторожности, на самом деле как таковой небрежностью не являются.

При совершении каких-либо действий лицо, такие действия совершающие, не может в силу заслуживающих внимания обстоятельств предотвратить возникающие вредные последствия.

Здесь уголовный кодекс, в первую очередь, указывает на невозможность такого лица противостоять экстремальным условиям. Также в уголовном законе допускается невозможность предотвратить вредные последствия и в силу возникновения эмоциональных перегрузок, способных вызвать сильный стресс и, как следствие, препятствующих устранению возможных вредных последствий совершения общественно опасного деяния.

Рассматривая понятие невиновного причинения вреда, стоит выделить важное обстоятельство: уголовная ответственность в соответствии с законом не наступает, если при рассмотрении дела будет выявлено, что действия лица, привлекаемого к ответственности, подпадают под категорию действий невиновного причинения вреда.

Виды действий, перечисленные в статье 28 Уголовного кодекса и подпадающие под невиновное причинение вреда, являются исчерпывающими, однако для признания таких действий невиновными необходимо тщательно устанавливать и доказывать факт, что лицо не могло понимать значение совершенного действия или не могло предвидеть наступление вредных последствий.

Также на практике возникают трудности с доказыванием факта невозможности лица предотвратить вредные последствия в экстремальных условиях или при наличии эмоционального расстройства (перегрузки). Здесь стоит отметить, что понятие экстремальной ситуации или крайнего эмоционального расстройства будет сугубо индивидуальным для каждого конкретного лица в той или иной конкретной ситуации в определенный момент времени, поскольку каких-либо общих критериев, подходящих для широкого круга лиц, в такой ситуации не существует и объективно не может существовать.

Таким образом, закон исключает наступление уголовной ответственности в том случае, если вред был причинен невиновно, однако само обстоятельство невиновности причинения вреда должно быть тщательным образом доказано и подтверждено.

При определении наличия состава преступления и его квалификации формы и виды невиновного причинения вреда часто ошибочно путают с преступной небрежностью или неосторожностью. Тем не менее, отличие невиновного причинения вреда от неосторожности и небрежности легко найти, проанализировав непосредственно понятия небрежности и неосторожности, даваемые уголовным кодексом.

Понятия «небрежность» и «легкомыслие» являются видами преступлений, совершенных по неосторожности. Так, неосторожность в данной категории преступлений является ключевым понятием.

Преступлением, совершенным вследствие небрежности, уголовный кодекс называет такое преступление, при совершении которого лицо не было достаточно внимательным и осмотрительным, чтобы предотвратить вредные последствия, хотя условия и располагали к проявлению такой внимательности и осмотрительности.

Также неосторожность совершения преступления включает в себя и такую форму как легкомыслие, при которой лицо по какой-либо причине рассчитывало, что вредные последствия, которые объективно должны наступить в данной конкретной ситуации, не наступят по какой-нибудь причине.

Так, преступления, совершенные вследствие небрежности или легкомыслия являются полноценной формой вины, а, следовательно, и элементом состава преступления. Отличие невиновного причинения вреда от преступлений вследствие неосторожности (по легкомыслию или небрежности) заключается, в первую очередь, в том, что вред, причиненный невиновно, не содержит в себе признаков состава преступления.

Таким образом, уголовное законодательство исключает наступление уголовной ответственности и назначения наказания за вред, который был причинен невиновно в силу заслуживающих внимания обстоятельств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главным элементом субъективной стороны, необходимым для установления наличия преступления, выступает вина в виде умысла или неосторожности. Под формой вины следует понимать законодательно определенное сочетание интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике виновного по отношению к юридически значимым объективным свойствам преступного деяния. Социальные корни неосторожности тесно связаны с установками, взглядами, принципами личности, т.е. с ее социальной позицией. Совершение неосторожных преступлений объясняется главным образом социальной безответственностью, недисциплинированностью, беспечностью, завышенной самооценкой, пренебрежительным отношением лиц к выполнению своих обязанностей и правил предосторожности, невнимательным отношением к жизни и здоровью окружающих.

Недооценка степени общественной опасности неосторожных преступлений приводит к тому, что как в теории, так и в практической деятельности правоохранительных органов недостаточное внимание уделяется разработке профилактических мер. При помощи, которых можно снизить удельный вес неосторожных преступлений в общей структуре преступности, предотвратить колоссальные потери, которые возникают в результате неосторожного поведения людей. Потери, которые имеют место в результате социально-безответственного поведения некоторых лиц.

Проблема ответственности за неосторожные преступления давно обсуждается в науке уголовного права. Особо актуальной данную проблему делает отсутствие достаточно четких критериев разграничения форм вины. Законодательство исходит из признания двух видов неосторожной формы вины: преступного легкомыслия и преступной небрежности.

В Уголовном Кодексе РФ в статье 26 дается полное понятие двум видам неосторожной вины, хотя небрежность и легкомыслие относятся к области

неосторожной вины, но между ними существует различие, которое суд должен учитывать при выборе конкретной меры наказания. Разграничение видов неосторожной вины имеет важное практическое значение, позволяя определить степень вины лица, совершившего преступления. При назначении наказания за неосторожные преступления учитываются характер и объем предвидения, степень самонадеянности (при легкомыслии), степень беззаботности, невнимательности, приведения к преступному результату (при небрежности) и т.д. По нашему мнению, лицо, действующее с преступным легкомыслием, заслуживает большего наказания, предполагает большую степень вины, нежели лицо, действующее с преступной небрежностью. Это можно объяснить тем, что лицо при легкомыслии, хотя и в абстрактной форме, но все же предвидит возможность наступления общественно-опасных последствий своего деяния, осознанно нарушает правила предосторожности или установленные требования. А при небрежности отсутствует элемент предвидения последствий, что делает этот вид неосторожности менее опасным. Причем, речь идет не об объективной опасности указанных видов неосторожности, поскольку вред, наступивший от преступной небрежности, может оказаться большим, чем вред, причиненный преступлением, совершенный по легкомыслию, то есть имеется в виду сама природа легкомыслия и небрежности, механизм совершения преступлений этих разновидностей неосторожности. При прочих равных условиях, социально-юридическая оценка легкомыслия и небрежности не может быть одинаковой, что очень важно для индивидуализации наказания. УК РФ несколько ограничил сферы уголовной наказуемости за неосторожность путем указания на то, что «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Кроме того, в ст. 27 УК РФ дано определение преступлений, совершаемых с двойной формой вины. Фактически на законодательном уровне предусмотрено четыре варианта

конструкции субъективной стороны по форме вины: 1) деяния, совершаемые только умышленно; 2) деяния, совершаемые только по неосторожности; 3) деяния, совершаемые как умышленно, так и по неосторожности; 4) деяния с двумя формами вины.

Наличие вышеназванных вариантов и неконкретность закрепления законодателем признаков субъективной стороны преступления в конструкциях составов Особенной части УК РФ предопределяет сложности квалификации преступлений и выработки, эффективных мер их предупреждения. В связи с этим предлагается внести следующие изменения в УК РФ: 1) статью 24 УК РФ изложить в следующей редакции: «1. Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. 2. Форма (вид) вины конкретно указываются в составе преступления в Особенной части настоящего кодекса». 2) статью 27 УК РФ исключить, а подобные деяния описывать без указания на неосторожную форму вины к нежелаемым для виновного последствиям (в квалифицированном составе).

Таким образом, состав преступления как средство для отграничения преступных деяний от непроступных и как средство для установления различной степени общественной опасности запрещенных Уголовным Законом деяний имеет решающее значение для осуществления борьбы с общественно-опасными посягательствами на основе единой законности. Уголовное право считает обоснованным применение наказания лишь в том случае, если поведение лица угрожает существованию и целостности охраняемых правопорядком объектов. Не все то, что общественно опасно, является в то же время противоправным в уголовно-правовом смысле. Только определенная степень общественной опасности придает деянию преступный характер. Поэтому, неосторожность в преступлениях имеет существенное значение и является основанием для привлечения к уголовной ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ от 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // СЗ РФ от 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ от 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

Раздел 2 Учебная литература

4. Ароцер Л.Е. Тактика и этика судебного допроса/ Л.Е. Ароцер. – М.: Издательство МГУ, 2011. – 117 с.
5. Ахкубеков А.Х. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности за рубежом и использование ее результатов в уголовном процессе / А.Х. Ахкубеков. – М.: Российская криминологическая ассоциация. 2011. – 120 с.
6. Басков В. Прокурорский надзор / В. Басков. – М.: Прогресс, 2012. – 558 с.
7. Власов В.И. Избранные произведения по уголовному праву и процессу / В.И. Власов. - М.: Юристъ, 2011. – 298 с.
8. Горбулин С.Б. Новый Уголовно-процессуальный Кодекс РФ - противоречия и пробелы / С.Б. Горбулин. – М.: Знамя, 2010. – 96 с.
9. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А.В. Наумов. — М.: Издательство БЕК, 2012. – 563с.
10. Прокурорский надзор в Российской Федерации / Под редакцией А. А. Чувилёва. – М.: издательство МГУ, 2011. - 398 с.

11. Прокурорский надзор в Российской Федерации. Учебник. / Под редакцией Ю. Е. Виноградова. – М.: Сфера, 2010. – 331 с.
12. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: Учебник для вузов / А.П. Рыжаков. – М.: «Издательство ПРИОР», 2011. – 527с.
13. Саркисова Э.А. Уголовное право: учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – М.: Тесей, 2011. – 317с.
14. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслов. — М.: Юристъ, 2013. – 420с.
15. Уголовный процесс / Под редакцией Демидова В. Н. – М.: Элефант, 2012. – 317 с.
16. Уголовный процесс / Под редакцией К. Ф. Гуценко. – М.: Закон, 2013. – 484 с.
17. Уголовный процесс. / Под редакцией А. С. Кобликова. – М.: Проспект, 2013. – 373 с.
18. Уголовный процесс. Учебное пособие. / Под ред. Гуценко К.Ф. - М.: Наука, 2013. – 586с.
19. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2013. – 492с.
20. Шейфер С. А. Следственные действия: Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. - М.: Наука, 2010. – 344с.

Раздел 3 Постановления высших судебных инстанций и материалы судебной практики

21. Определение Верховного Суда РФ № 18-о12-20 от 08.06.2012 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 10. – С. 24.
22. Определение Верховного Суда РФ № 83-УД14-3 от 21.05.2014 // Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)
23. Решение по делу 22-2445/2015 от 29.04.2015 Приморского краевого суда // Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)

24. Решение по делу 22-896/2013 от 28.04.2013, Архангельского областного суда // Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)
25. Решение по делу 22-1665/2015 от 28.04.2015 Волгоградского областного суда// Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)
26. Решение по делу 22-700/2014 от 23.04.2014 Вологодского областного суда//Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)
27. Решение по делу 22-557/2013 от 21.04.2013 Верховного Суда Республики Дагестан// Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)
28. Решение по делу 22-1904/2014 от 02.04.2014, Красноярского краевого суда//Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.04.2017)